

Ся Ши и представить не мог, что однажды окажется в таком незавидном положении.

В мрачной, затхлой лачуге из углов то и дело доносился подозрительный писк крыс. Одежда на нём была липкой и рваной, а живот уже давно урчал от голода.

Ну и система, подставила так подставила! Где обещанный статус фаворита, где шелка, драгоценности и изысканные яства? Глядя на нынешнюю обстановку, он готов был поверить, что по ошибке переродился обычным нищим.

Ложная реклама до добра не доводит! Он будет жаловаться! Он будет протестовать!

— Динь! Прошу, успокойтесь, хост. В связи с тем, что Межзвездная Федерация недавно приняла новый закон об играх, направленный на борьбу с интернет-зависимостью среди молодежи, система обновилась до последней версии. Чтобы сократить игровое время, все пользователи, входящие в эту главу, автоматически переносятся во вторую половину сюжета. Вы — первый игрок, тестирующий новую версию, разве это не захватывающе?

Захватывающе? Да это просто кошмар!

Ся Ши глубоко вздохнул, выпрямился и принялся прокручивать в голове сюжет этой главы.

Он попал в классический роман о жестоком господине и страдающем возлюбленном. Главного героя, Цинь Чжоу, автор наделил всеми мыслимыми достоинствами: он родился в семье ученых в Цзяннани, обладал внешностью одновременно чистой и пленительной, статной фигурой, вызывающей жалость, и характером, в котором твердость сочеталась с нежностью нефрита. С самого детства он был болезненным и харкал кровью так же часто, как другие ели, но разве могли такие мелочи затмить сияние главного героя? По мере взросления Цинь Чжоу становился всё талантливее, в совершенстве овладев искусствами, шахматами, каллиграфией и живописью. Более того, волею случая он стал учеником таинственного мастера и обучился изящным боевым искусствам — когда он двигался, казалось, вокруг кружатся лепестки, а в воздухе поют соловьи. Словом, эталон пафоса.

Разумеется, такой идеальный герой нуждался в жестоком, властном и холодном господине. Автор взмахнул пером — и появился Сыту Чэнь. Как высококлассный главный герой, он прошел проверку по всем пунктам: он был высок, сказочно богат — его коронная фраза гласила: Похолодало, пусть семья Ван разорится, — и, конечно, невероятно красив.

По законам жанра, Сыту Чэнь с первой же встречи воспылал к Цинь Чжоу особыми чувствами. Следуя правилу жестокого господина — если любишь, мучай сильнее, — на людях он помыкал им как хотел, а втайне смотрел на его хрупкую спину с нежностью и жалостью. Цинь Чжоу, в свою очередь, проявлял все признаки мазохизма, топя себя в редких крохах тепла, которые даровал ему мучитель. В конце концов, после череды страданий и уничтожения бесчисленных второстепенных персонажей, они обрели свое счастье.

Говорят, хозяин Земли Пробуждения, прочитав эту историю, не смог понять, почему герой раз за разом прощал тирана и в итоге принял его ухаживания. По его мнению, такая слепая любовь была антинаучной. Существа по природе своей стремятся к выгоде, и если человек пострадал, то уже сдержанность — не отвечать ударом на удар, так почему же он влюбляется в обидчика? Но из-за нехватки времени он не мог разбирать это по косточкам, поэтому превратил вопрос в задание.

Ся Ши же занял место одного из тех самых второстепенных персонажей, что были стерты в порошок. Его роль — замена главного героя, фаворит Сыту Чэня. Он изо всех сил старался играть роль злобного ревнивца: травил героя, подставлял его, язвил, доводя до кровавой рвоты, и в итоге, попав под горячую руку Сыту Чэня, погиб жалкой смертью.

Его главная задача — выяснить, почему герой так одержим тираном, и заодно предотвратить эту слепую любовь.

Сюжет дошел до середины: отношения между ним и Цинь Чжоу отвратительны. Хотя до яда дело еще не дошло, колкие насмешки стали нормой. Сейчас они оба похищены врагами Сыту Чэня, и вот-вот должна разыгаться классическая сцена: Выбирай, кого из них оставить в живых.

— Я не хочу умирать такой жалкой смертью!

Ся Ши сжал кулаки. Этот мир был гиперреалистичным, а значит, если его ударят мечом, боль пронзит саму душу.

С этими мыслями он перевел взгляд на сжавшуюся в углу фигуру. Несправедливо! Почему он выглядит как грязный нищий, а главный герой — чист и опрятен? Неужели это и есть то самое игнорирующее логику сияние главного героя?

Ся Ши на цыпочках подошел к нему, намереваясь растолкать, но вдруг вспомнил о своей роли. Нельзя выходить из образа! Он принял надменный вид и пнул ногой мягкое тело пленника.

— Эй, ты, дохляк, просыпайся!

— Мгх!

Цинь Чжоу болезненно поморщился, повернул голову и нахмурил изящные брови.

Да уж, внешность и правда ошеломляющая, жаль только, что на злобного персонажа это сияние не действует. Ся Ши понимал: красота героя ослепляет только тех, кто играет роль господина, а красота господина — только тех, кто играет роль возлюбленного. Для него Цинь Чжоу был лишь раздражающим препятствием.

Ся Ши убрал ногу, присел на корточки и принялся теребить прядь волос Цинь Чжоу.

— Эх, смотрю я на тебя, всё харкаешь кровью... Скоро, небось, кони двинешь. Не бойся, я не такой уж бессердечный. Когда А-Чэнь придет меня спасать, я попрошу его забрать твоё тело и похоронить на родине.

На лице Цинь Чжоу отразилось унижение. Для него Ся Ши был лишь низким фаворитом, тогда как он сам происходил из почтенной семьи. Даже в беде он не мог смириться с таким пренебрежительным отношением.

— Убери руки!

У Цинь Чжоу имелась база боевых искусств. Несмотря на то, что его опоили снадобьем, справиться с Ся Ши, у которого не было ни капли внутренней энергии, не составляло труда.

Ся Ши отлетел в сторону и снова вздохнул о несправедливости мира. Почему, когда Сыту Чэнь издевается над героем, тот лишь стыдливо краснеет и бессильно падает ему в объятия, а когда дело доходит до него, всё заканчивается пинком?

— Кхе-кхе...

После применения внутренней силы Цинь Чжоу снова зашелся в кровавом кашле. Ся Ши был уверен, что это извращенное чувство юмора автора: каждый раз, когда герой пытается сопротивляться, он должен харкать кровью. Красиво, конечно, но, должно быть, очень больно.

Видимо, шум привлек внимание: в лачугу вошел здоровяк с двумя шрамами на лице — вылитый бандит с большой дороги.

— Чего разорались? Еще раз вякнете, отрублю конечности и скормлю собакам!

Голос здоровяка прозвучал внушительно, заставив обоих притихнуть. И тут в самый неподходящий момент раздался другой звук.

— Ур-р...

Ся Ши смущенно прикрыл живот и, напроць лишенный гордости, пробормотал:

— Старшой, я есть хочу. Смилуйтесь, дайте хоть что-нибудь.

Цинь Чжоу с презрением взглянул на него. Для него достоинство было важнее жизни. Фаворит — он и есть фаворит, раб с мягким хребтом и толстой кожей.

Здоровяк, явно презиравший Ся Ши, нахмурился, но затем злорадно ухмыльнулся, выудил из мешка холодную лепешку и небрежно бросил её на пол.

— Хе-хе, есть только одна. Делитесь.

Он знал, что отношения между ними хуже некуда. Одна порция еды — отличный способ заставить их грызться.

Цинь Чжоу не шелохнулся. Он не мог взять еду. Несмотря на три дня голода, у него была гордость — в этом мире есть вещи поважнее выживания.

Но Ся Ши был другим. Он привык жить под гнетом, угождая чужим прихотям, и давно утратил достоинство мужчины. Какая разница, если он потеряет и достоинство обычного человека?

Ся Ши ел с аппетитом, но медленно. Наверное, только в состоянии крайнего голода обычная пресная лепешка может казаться такой вкусной. Он глотал кусок за куском, словно путник, заблудившийся в пустыне и наконец нашедший воду, — на глазах даже выступили слезы.

Для Цинь Чжоу чавканье соседа было пыткой. Он хотел закрыть уши, но счел это признаком слабости. Неужели он так и умрет здесь, в тишине?

Когда Цинь Чжоу уставился в стену, его кто-то толкнул.

— Эй, дохляк, будешь?

Перед ним лежал надкусанный кусок лепешки. Цинь Чжоу инстинктивно хотел взять его, но тут же холодно отрезал:

— Не нужно.

— Как хочешь. Я просто боюсь, что ты сдохнешь здесь и начнешь вонять.

Ся Ши забрал лепешку обратно, откусил еще раз, а затем посмотрел на худую спину Цинь Чжоу.

— Эх, бедняга. Неужели это и есть цена за роль холодного и болезненного главного героя?

— Что ты сказал?!

Цинь Чжоу обернулся и метнул в него яростный взгляд.

Ся Ши поспешно дожевывал остатки и погладил живот. Всё ещё голоден, этого было мало. Он свернулся калачиком в углу и начал чертить веткой на земле:

— Вокруг пустошь, местность незнакомая, охрана сильная, а мой единственный напарник умеет только харкать кровью и ждать спасения...

Цинь Чжоу, услышав это, снова закашлялся кровью.

<http://bllate.org/book/21688/2236983>